

DOI 10.15826/qr.2020.2.472
УДК 327.3(470)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Александр Никитин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
МГИМО Университет,
Москва, Россия

**Ирина Болгова
Юлия Никитина**

МГИМО Университет,
Москва, Россия

ACTIVITIES OF NON-GOVERNMENTAL ORGANISATIONS AIMED AT CONFLICT SETTLEMENT IN POST-SOVIET STATES**

Alexander Nikitin

National Research University
Higher School of Economics,
MGIMO University,
Moscow, Russia

**Irina Bolgova
Yulia Nikitina**

MGIMO University,
Moscow, Russia

This article analyses the peace-making activities of Soviet/Russian non-governmental public organisations (NGOs) with reference to the Federation for Peace and Conciliation, the successor of the Soviet Peace Committee. NGOs

---

* Работа И. Болговой и Ю. Никитиной над исследованием осуществлялась при финансовой поддержке МГИМО Университета МИД России в рамках внутреннего проекта ИМИ № 1921–01–06.

** *Citation:* Nikitin, A., Bolgova, I., Nikitina, Yu. (2020). Activities of Non-Governmental Organisations Aimed at Conflict Settlement in Post-Soviet States. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 428–441. DOI 10.15826/qr.2020.2.472.

Цитирование: Nikitin A., Bolgova I., Nikitina Yu. Activities of Non-Governmental Organisations Aimed at Conflict Settlement in Post-Soviet States // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 428–441. DOI 10.15826/qr.2020.2.472 / Никитин А., Болгова И., Никитина Ю. Деятельность неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 428–441. DOI 10.15826/qr.2020.2.472.

were formed at the initiative of the state and party organs of the Soviet system but were transformed into independent NGOs after the collapse of the USSR with their own active strategy of assistance in conflict resolution. This study is based upon unique archive materials and the personal experience of one of the authors, who used to work for such organisations. The study focuses on the ethnopolitical conflicts which took place between the collapse of the USSR and the mid-1990s. There is a widespread opinion in academic literature that so-called non-governmental organisations set up by the government do not have their own identity, especially during social crises, and passively follow the government's political line. However, the study of their activities demonstrates that during the first years after the dissolution of the Soviet Union, these organisations initiated a significant number of practical and political projects with the participation of high-ranked representatives of the governments, parliaments, and political parties of both post-Soviet and foreign states and international organisations, including the UN, OSCE, NATO, CIS, etc. This, in turn, played a role as a substantial supplement to classical interstate diplomacy and practically promoted the settlement of certain ethnopolitical conflicts. The archive materials analysed prove that in the early post-Soviet period, a certain *inversion* in the direction of political and ideological impulses took place, and a number of non-governmental organisations that used to transmit the interests of the Communist Party and state organs to the international environment were able to create new international projects and consultations in the form of "track one-and-a-half" diplomacy, i. e. the informal interaction of officials in the capacity of unofficial experts. And in such cases, it was NGOs which shaped the agenda and transmitted public interests to the state structures of Russia and the CIS states, mediating between fighting sides and amongst representatives of various states, practically assisting the settlement of ethnopolitical conflicts.

Keywords: conflict settlement; peacekeeping; post-Soviet space; Soviet Peace Committee; Federation for Peace and Conciliation; Centre for Political and International Studies; Commonwealth of Independent States.

Анализируется миротворческая деятельность советских/российских неправительственных общественных организаций (НПО) на примере Федерации мира и согласия, возникшей на основе Советского комитета защиты мира. Будучи сформированными по инициативе государственных и партийных органов, после распада СССР они трансформировались в независимые НПО с собственной активной стратегией содействия урегулированию конфликтов. Привлечены уникальные архивные материалы, а также использован личный опыт одного из соавторов, работавшего в упомянутых организациях. Исследование фокусируется на этнополитических конфликтах периода накануне распада СССР и до середины 1990-х гг. В научной литературе доминирует представление, что организованные государством НПО не имеют собственной субъектности, особенно в период кризисов, и лишь пассивно проводят навязываемую им государством политическую линию. Однако изучение практики их деятельности показывает, что в первые годы после распада СССР данные общественные

объединения организовали значительное количество практических и политических мероприятий с участием высокопоставленных представителей правительств, парламентов, политических партий как постсоветских государств, так и зарубежных государств и международных организаций, включая ООН, ОБСЕ, НАТО, СНГ, что служило существенным дополнением к классической межгосударственной дипломатии и практически способствовало процессу урегулирования ряда этнополитических конфликтов. Архивные материалы доказывают, что в ранний постсоветский период постепенно произошла инверсия направленности политических и идеологических импульсов, и ряд НПО, ранее транслировавших в международную среду интересы советских государственных и партийных органов, сумели создать новые формы международных мероприятий и консультаций в формате так называемого «полоторного трека» (неформального взаимодействия официальных лиц в неофициальном экспертном качестве), в которых уже они формировали повестку дня и транслировали в адрес госорганов России и стран СНГ общественные интересы, стали посредниками для конфликтующих сторон и представителей разных государств, содействуя урегулированию этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: урегулирование конфликтов; миротворчество; постсоветское пространство; неправительственные организации; Советский комитет защиты мира; Федерация мира и согласия; Центр политических и международных исследований; Содружество Независимых Государств.

В последние годы Россия на официальном уровне оказывает содействие в мирном урегулировании зарубежных конфликтов, примеры тому – форум «Межафганский диалог» в Москве, Конгресс народов Сирии в Сочи, межпалестинский диалог, организуемый Институтом востоковедения РАН [Степанова], координаторами которых выступают государственные структуры. В 1990-е гг. похожие инициативы исходили не от госорганов, а от российского гражданского общества, что положило начало дипломатии «полоторного трека» с участием как представителей НПО, так и официальных лиц среднего ранга.

В урегулировании региональных и локальных конфликтов на территории СССР (с 1991 г. – на постсоветском пространстве) начиная с 1980-х до конца 1990-х гг. существенную роль сыграли общественные организации, в том числе изначально сформированные в формате, который в мировой научной литературе называют ГОНГО (*Governmentally Initiated Non-Governmental Organizations* – «Инициированные государством неправительственные организации»)¹ [Мельвиль, Никитин].

Система ГОНГО в советский период решала задачу «канализации» общественной активности в международной сфере и явного или неявного проведения государственной политики через структуры, которые

---

¹ О феномене ГОНГО см.: [Лушников].

в современной терминологии стали именовать негосударственными акторами международных отношений. Тремя основными организациями этого типа в общесоветском масштабе являлись Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД, впоследствии преобразованный в агентство «Россотрудничество»), Советский комитет защиты мира (СКЗМ) и Комитет молодежных организаций СССР (КМО). СКЗМ был наиболее политизированной общественной организацией, проводившей целенаправленные общественно-пропагандистские кампании прежде всего в сферах международной безопасности и разоружения и в целом по всей тематике трех «переговорных корзин» Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) (безопасность, экономика, гуманитарные вопросы).

В российской науке интерес к изучению мирного движения в СССР возобновился в начале XXI в. [Викторов; Гордеева; Локшин; Маслихин; Орлова; Раева, 2016; Раева, 2017]. Однако исследования деятельности НПО и ГОНГО в 1990-х гг. практически не проводились в России, хотя следует отметить ряд зарубежных исследований о роли гражданского общества в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве [Iji; Koppesek, Hoch, Vaar; Popescu; Saunders; Stewart; Venturi].

Из последних изданий на русском языке следует упомянуть книгу Г. Сондерса «Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения», где на примере Дартмутского процесса² показывается, как на основе опыта советско-американского диалога периода холодной войны была разработана концепция «устойчивого диалога», затем на практике примененная в ходе межтаджикского урегулирования и урегулирования в Нагорном Карабахе [Сондерс]. Однако пример Дартмутского процесса не уникален – вовлеченные в советско-американский гражданский диалог советские ГОНГО после распада СССР также использовали свой предыдущий опыт примирения для практических шагов по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве.

Концепция «устойчивого диалога» Сондерса формировалась постепенно и сложилась в окончательном виде к концу 1990-х гг., во многом на основе опыта межтаджикского урегулирования. В предлагаемой статье показывается, что многие элементы концепции «устойчивого диалога» Г. Сондерса на практике использовались анализируемыми ГОНГО, то есть опыт мирного движения периода холодной войны впоследствии был конвертирован в опыт мирного процесса силами гражданского общества в лице СКЗМ, который был трансформирован после 1991 г. в Федерацию мира и согласия (ФМС). Е. Степанова выделяет три основы концепции «устойчивого диалога»: 1) мирный процесс силами гражданского общества с участием представителей широких общественных кругов, как правило,

---

² Советско-американские консультации в формате диалога видных представителей гражданского общества, которые впервые были проведены в 1961 г. Об истории Дартмутских встреч см.: [The Dartmouth Conference].

еще на предпереговорной стадии; 2) отказ от навязчивого внешнего модерирования с предоставлением площадки для диалога, чтобы сами стороны могли прийти к соглашению без внешнего давления; 3) безопасное место для продолжительного диалога на систематической основе [Степанова].

Конечно, американский опыт частично был перенят в России в начале 1990-х: в мае 1993 г. под эгидой Дартмутских российско-американских встреч в Москве было проведено заседание Рабочей группы по региональным конфликтам, посвященное положению в Таджикистане, с учетом ситуаций в сопредельных азиатских и ближневосточных странах. Однако, как было отмечено выше, в этот период концепция «устойчивого диалога» только начинала свое становление, поэтому практику СКЗМ и ФМС в урегулировании конфликтов можно считать самобытной.

Уже в конце 1980-х гг. СКЗМ развернул деятельность по снижению опасности от разгорающихся внутренних конфликтов. Первые общественные слушания по вопросам внутренней безопасности были проведены в ноябре 1989 г. На них были приглашены выступить активисты разворачивающихся общественных движений, а также представители МВД и КГБ СССР.

В 1991–1993 гг. СКЗМ/ФМС и созданный ими совместно с Советской ассоциацией политической науки Центр политических и международных исследований (ЦПМИ) при участии Ассоциации содействия ООН провели в Москве беспрецедентную серию из десяти международных (поначалу они назывались межреспубликанскими) консультаций по проблемам коллективной безопасности и конфликтов [Михайлов]. В условиях распада Союза межгосударственные переговоры по проблемам вооруженных сил и безопасности сдерживались неполной сформированностью структур политического (Совета безопасности) и военного (Министерства обороны) руководства новых независимых государств (ННГ).

По результатам консультаций вырабатывались практические рекомендации для ННГ по созданию доктрин национальной безопасности и военных доктрин, была издана книга «Коллективная безопасность для России и СНГ» [Коллективная безопасность]. Разрабатывались и обсуждались проекты положения «О силах по поддержанию мира в СНГ», соглашения о создании Совета безопасности Содружества Независимых Государств, положения о Комитетах правовой и социальной защиты военнослужащих Министерства обороны.

В условиях нарастающей межэтнической и политической напряженности в Прибалтике и Закавказье (эти регионы вскоре потребовали перейти на наименования «страны Балтии» и «страны Южного Кавказа») СКЗМ провел 14–16 мая 1991 г. международную встречу «Политическая стабильность в СССР и международная безопасность» [Политическая стабильность в СССР]. Во встрече участвовали представители министерств обороны и внутренних дел СССР,

Верховных Советов СССР и РСФСР, правительств Литвы, Латвии, Эстонии, Азербайджана, Армении, эксперты из США, представители народов Северного Кавказа, крымских татар и др.

В условиях активизирующихся региональных и локальных конфликтов ФМС применяла инновационные для того времени методики посреднических встреч представителей политического руководства конфликтующих сторон (вторая основа в концепции Сондерса – обеспечение безопасной площадки). Когда конфликт в Приднестровском регионе Молдавии стал обретать насильственную форму, делегация ФМС³ в марте 1992 г. посетила Тирасполь и Кишинев, встретила в посредническом формате с представителями молдавской армии и приднестровских вооруженных добровольческих формирований, политическими и общественными деятелями Молдавии и Приднестровской Молдавской Республики. Позднее в ФМС несколько раз проводились практические посреднические встречи между представителями приднестровского и молдавского руководства.

В сентябре 1992 г. ФМС и ЦПМИ провели посредническую встречу по грузино-абхазскому конфликту [Встреча-диалог по грузино-абхазскому конфликту]. Для участия были приглашены в Москву депутаты абхазского парламента (ВС Абхазии) от абхазской и грузинской этнических групп, дипломаты из посольства Грузии в РФ, лидеры КГНК (Конфедерации горских народов Кавказа, своеобразного «народного фронта» северокавказских этнических групп), представители северокавказских этнических общин, проживающих в Москве, эксперты государственных министерств и ведомств России (первая основа концепции Сондерса – в диалоге участвуют не только НПО и эксперты, но и широкие общественные круги). Это был период, когда абхазские добровольческие формирования вытесняли с территории Абхазии грузинское население, обращая его в беженцев и переселенцев, создавая ситуацию, приближенную в отдельных районах к гуманитарной катастрофе. Военное вмешательство России последовало лишь в 1994 г. после согласования мандата по линии СНГ, а осенью 1992 г. общественные посреднические встречи оставались уникальным форматом, в рамках которого прорабатывался вопрос о плюсах и минусах внешнего вмешательства.

В августе 1993 г., в трагическую годовщину начала вооруженной стадии конфликта в Абхазии, ФМС провела диалог «Абхазия: взгляд в будущее, мир без войны» с участием представителей грузинской и абхазской диаспор в Москве и представителей руководства противоборствующих сторон, прибывших непосредственно из конфликтного региона.

---

³ 4 февраля 1992 г. после образования СНГ вместо СКЗМ была образована Федерация мира и согласия, ставшая его правопреемницей. Субъектами федерации стали свыше 20 национальных комитетов и советов мира, а также около 50 миротворческих, научных, экологических, правозащитных организаций и общественных объединений.

Практический вклад ФМС внесла в организацию процесса обмена заложниками между осетинской и ингушской сторонами в ходе североосетинско/ингушского конфликта в 1992 г. Представители московских ингушской и осетинской диаспор встречались в ФМС и прямо по междугородним телефонам из его помещения договаривались со своими соотечественниками в Назрани и Владикавказе об условиях обмена заложниками.

Грузино-абхазские и грузино-осетинские противоречия оставались в фокусе внимания организации и в 1994 г. (в этом году началась военная операция российских войск в Абхазии). С февраля по апрель в ФМС прошли три серии общественных слушаний «Проблемы обеспечения стабильности и примирения на Северном Кавказе и в Закавказье» (здесь важно, что диалог проводился несколько раз – это соответствует третьей основе концепции Сондерса, а именно систематическому характеру диалога) [Проблемы обеспечения стабильности]. Практическая значимость встреч состояла в том, что были изучены и подробно обсуждены 14 протоколов, соглашений и договоров, заключенных к тому времени между российским и грузинским руководством. Детально обсуждались вопросы статуса российских пограничных войск в регионе, возможность применения к действиям России статуса миротворческих операций, пути возвращения беженцев и переселенцев и урегулирования грузино-абхазских и грузино-осетинских противоречий.

Несмотря на структурное сходство моделей применения российских войск в Таджикистане, Молдавии и Грузии в миротворческих целях, все эти операции формировались не как части одной системы, а *ad hoc* – решения принимались разными инстанциями, политическими и военными, в разное время, обмена опытом между контингентами практически не было. ФМС и ЦПМИ одними из первых поставили вопрос о сведении миротворческих практик в конфликтных регионах постсоветского пространства в единую систему миротворческих действий и сопоставлении их принципов с принципами и практикой действий ООН, ОБСЕ и НАТО в конфликтных регионах Европы, в частности, в бывшей Югославии, где к 1994 г. также началось международное военно-политическое вмешательство в конфликт в Боснии. В июне 1994 г. была проведена международная конференция «Партнерство в поддержании мира», посвященная сопоставлению практики операций России и СНГ в Молдавии, Грузии и Таджикистане с практикой операций ООН, СБСЕ/ОБСЕ и НАТО. Приглашенные эксперты ООН, Европейского союза, НАТО побывали на тренировочной военной базе внутренних войск МВД РФ, где велась подготовка контингентов для участия в операциях на постсоветском пространстве.

К тому времени координацию операций в Таджикистане и Абхазии осуществлял Штаб по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ (ШКВС СНГ), куда, наряду с Министерством

обороны и МВД РФ, были направлены выработанные в ходе мероприятия рекомендации зарубежных экспертов. Практическая значимость этих мероприятий состояла в ознакомлении международных экспертов с практикой действия войск СНГ на постсоветском пространстве (которую они не признавали ранее миротворчеством), в доказательстве сопоставимости миротворческих действий ООН и НАТО в Югославии и действий СНГ в операциях в Таджикистане и Абхазии. Секретарь Совета министров обороны СНГ генерал-полковник Л. Г. Ивашов активно сотрудничал с ФМС и ЦПМИ и содействовал обмену миротворческим опытом по линии общественных организаций.

Инновационным форматом содействия конфликтному урегулированию стали организованные ФМС международные школы конфликтологии с психологическими тренинг-семинарами для представителей «горячих точек». Помимо отечественных психологов, модераторами тренингов в ряде случаев выступили приглашенные британские пасторы-квакеры, имеющие опыт примиренческих усилий между конфликтующими общинами в Северной Ирландии⁴.

В 1992–1994 гг. серьезно обсуждался вопрос о потенциальном привлечении миротворческих сил ООН или даже контингентов НАТО для разделительных миротворческих миссий в постсоветских конфликтах. В мае 1992 г. ФМС совместно с ЦПМИ и Российской ассоциацией содействия ООН провел конференцию «Миротворческие возможности ООН, ОБСЕ и СНГ в связи с конфликтными ситуациями на территории бывшего СССР». В обсуждении приняли участие представители ООН, структур НАТО, Генерального штаба ВС РФ, российского Министерства иностранных дел и ряда посольств.

В сентябре-октябре 1994 г. под рубрикой «Три года без Союза: потери и приобретения» в ФМС прошли встречи-диалоги «Россия – Грузия: состояние и перспективы отношений», а также «Россия – Украина: контуры партнерства». Несмотря на то, что тогда отношения России с южным славянским соседом Украиной не носили того кризисного характера, который стал для них характерен после 2014 г., уже были заметны признаки серьезного рассогласования российской и украинской политических линий, и отношения бывших братских республик балансировали на грани конфликта.

На международной конференции, проведенной теми же общественными организациями (ФМС/РКЗМ/ЦПМИ) 20–24 июня 1994 г. по теме «Международное сотрудничество в поддержании мира в конфликтных регионах на территории СНГ», речь шла о военном вмешательстве в региональные конфликты на постсоветском пространстве со стороны государств и международных организаций [Международное сотрудничество]. На мероприятии формировалась трак-

---

⁴ Инициатором и организатором привлечения британских квакеров к тренингам посреднических навыков выступил побывавший в Северной Ирландии российский психолог А. Гостев.

товка (в тот период совсем не очевидная) действий России и стран СНГ в отношении конфликтов в Таджикистане, Грузии и Молдавии как миротворческих операций, во многом (хотя и не во всем) соответствующих критериям ООН и сопоставимых с действиями ООН и НАТО в бывшей Югославии. Тематика обусловила большой интерес к обсуждению со стороны зарубежных исследователей и военных – в конференции приняли участие 24 зарубежных эксперта из Великобритании, США, Швеции, Чехии, Италии, Норвегии, Нидерландов, Германии, Испании, Франции. Из стран СНГ в Москву на данное трехдневное мероприятие прибыли представители руководства Южной Осетии (Л. А. Чибиров, К. П. Пухаев), Абхазии (Ю. Д. Анчабадзе), пять представителей Приднестровья (В. А. Лицкай, В. Г. Шевцов и др.); Грузия и Украина направили дипломатов из своих посольств в РФ, власти Молдавии делегировали директора Евро-Атлантического центра Республики Молдова Н. С. Киртоакэ. Трехдневный международный диалог включал посещение Штаба по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ (ШКВС), встречу с аккредитованными при штабе постоянными военными представителями стран СНГ, а также посещение российского парламента и дебаты с депутатами – членами комитетов Государственной думы Федерального собрания РФ по международным делам, по обороне, по делам СНГ и связям с соотечественниками.

Атмосферу мероприятия отличало неплохое взаимопонимание между российскими и зарубежными военными: НАТО именно в этот период втягивалось в участие в операциях (по мандату ООН) в бывшей Югославии, причем это была первая «боевая» операция НАТО за всю историю организации, и западных военных всерьез интересовал опыт проведения российскими военными разделительных операций в похожих по типу конфликтах.

В ходе диалога в Государственной думе российская сторона представила для международного гласного обсуждения проект федерального закона РФ «О порядке предоставления военного и гражданского персонала РФ для участия в операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности и других видах миротворческой деятельности». Этот закон впоследствии, годом позже (в 1995 г.), был принят и стал правовым основанием для направления российских контингентов в операции ООН в бывшей Югославии (Боснии и Косово). Что же касается его использования для легитимизации направления российских воинских контингентов в регионы конфликтов в СНГ, то закон запоздал: контингенты в Южную Осетию и Приднестровье были направлены в 1992 г., в Таджикистан – в 1993-м, а в Абхазию – в 1994-м. Закон был применен *post factum* лишь для утверждения направления российского контингента (по мандату СНГ) в Абхазию, и то уже в период, когда контингент там был давно развернут.

Руководство двумя операциями, которые проводились по мандатам СНГ, а именно в Абхазии/Грузии и Таджикистане, осуществ-

влялось Штабом по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ (ШКВС), и в июне 1994 г. именно они стали предметом обсуждения с европейскими и американскими военными, прибывшими в ШКВС в качестве участников конференции по линии общественных организаций. Некоторые западные участники оспаривали возможность отнесения операций военных СНГ и России на постсоветском пространстве к миротворческим, сопоставимым с операциями ООН. Причем острая дискуссия разгорелась даже не между западными и российскими участниками, а между разными европейскими и американскими экспертами, когда представители НАТО поделились своим проектом (впоследствии так и не принятым) концепции миротворческих операций НАТО, который, среди прочего, предполагал возможность проведения совместных операций военными НАТО и России (например, в Югославии). Однако на конференции речь зашла о потенциальной применимости контингентов НАТО во взаимодействии с контингентами стран СНГ для проведения операций на постсоветском пространстве. Ряд представителей стран СНГ в ШКВС высказались за такую возможность, но возобладала точка зрения, что политические и международно-правовые сложности такого «боевого братства» применительно к постсоветскому пространству превысят его практическую полезность.

Впоследствии, уже в 2000-х гг., международно-правовые разработки ФМС и ЦПМИ привели к практическому результату – созданию по инициативе этих организаций трех принятых Межпарламентской ассамблеей СНГ и вступивших в действие модельных законов СНГ: «О миротворческих операциях», «О военной организации государства СНГ» и «О противодействии наемничеству». Ряд государств СНГ затем практически использовали эти законы при разработке национального законодательства в соответствующих сферах.

Обзор проведенных общественными объединениями в первой половине 1990-х гг. международных форумов и конференций позволяет сделать некоторые выводы.

Несмотря на общую ломку в начале 1990-х гг. старых государственных и окологосударственных структур при распаде СССР, определенной группе общественных организаций, относящихся к категории ГОНГО, удалось сохранить, несколько трансформировав, свою функциональную направленность и адаптироваться к новым условиям подчас быстрее, чем министерские государственные ведомства.

Деятельность СКЗМ/ФМС и связанных с ними других общественных объединений отразила в первой половине 1990-х гг. как весьма высокий уровень обеспокоенности среди элит и общественности России и новых независимых государств региональными и локальными конфликтами на постсоветском пространстве, так и неспособность государственных структур самостоятельно справиться с задачей урегулирования таких конфликтов. При этом указанная группа общественных организаций уже не следовала в кильватере прави-

тельствственной или партийной политики, как это было в советский период, а разрабатывала и задавала собственную повестку дня. Сложилась примечательная инверсия: в значительной мере уже не общественные организации категории созданных государством неправительственных организаций следовали за государственной линией, а государственные структуры с запозданием и под общественным давлением (хотя и не всегда и не во всем) отзывались на инициативы общественных организаций.

Упомянутой категории организаций в целом удалась в тот период практическая реализация формата «полutorного трека», когда официальные лица, принимающие практические политические решения (представители ключевых министерств и ведомств, парламента и президентской администрации), широко вовлекались общественными организациями в диалог с гражданским обществом и, что не менее важно, друг с другом на диалоговых площадках НПО.

В России происходило внедрение практики политического диалога, известной в международных политико-академических кругах как *Chatham House Rules* – создание для официальных лиц, в том числе для представителей конфликтующих политических сил, условий для более свободного посреднического диалога, при котором они временно снимают с себя функции представительства своего ведомства или государства и общаются в индивидуальном порядке в качестве экспертов. Такая практика, внедрявшаяся именно на площадках организаций категории ГОНГО, заметно отличалась от официозного советского стиля мероприятий и позволила создать обновленную культуру политических дискуссий, в частности, в сфере обсуждения и урегулирования межэтнических и международных конфликтов.

При этом архивные материалы СКЗМ/ФМС/ЦПМИ демонстрируют высокую готовность министерств и ведомств в первой половине 1990-х гг. не просто контактировать, но практически взаимодействовать на плановой основе с общественными объединениями, регулярно обеспечивая высокий уровень представительства государственных ведомств на диалогах с гражданским обществом. Материалы мероприятий 1990–1995 гг. показывают также относительно высокую открытость военных ведомств РФ (Министерства обороны, комитетов ГД и ФС РФ по обороне и безопасности) и СНГ (Совета министров обороны СНГ, ШКВС и др.). В реформируемой военной среде проявлялась готовность обсуждать острые конфликтные ситуации, в том числе вокруг применения вооруженной силы, и применять международные критерии и стандарты.

В целом обзор деятельности СКЗМ/ФМС и взаимосвязанных с ними общественных организаций позволяет констатировать, что российские НПО сыграли реальную практическую роль в урегулировании ряда этнополитических конфликтов в СНГ, обеспечив существенное дополнение к межгосударственной дипломатии –

от практического участия в организации обмена заложниками в осетино-ингушском конфликте, посреднического сведения представителей руководства сторон в конфликтах вокруг Приднестровья, Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии до регулярного сведения за столом переговоров организаторов дипломатических и военных действий (из разных российских ведомств и разных стран СНГ) в разбросанных по постсоветскому пространству конфликтах в целях обмена опытом и унификации принципов и подходов. При этом практика сопоставима по своему содержанию с наработками экспертов Дартмутской рабочей группы по региональным конфликтам, которые были обобщены Г. Сондерсом в концепцию «устойчивого диалога». Однако если работа Дартмутской группы хорошо представлена в англоязычной и российской литературе, особенно в случае междуаджикского урегулирования, то роль российских негосударственных объединений в обеспечении дипломатии «полоторного трека» при урегулировании других конфликтов на постсоветском пространстве остается нераскрытой и недооцененной.

Список литературы

Викторов А. Г. Влияние Советского комитета защиты мира (СКЗМ) на развитие общественно-политической ситуации в 1965–1985 гг. // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9. С. 168–170. DOI 10.5281/zenodo.154288.

Встреча-диалог по грузино-абхазскому конфликту, сентябрь 1992 : программа мероприятия // Архив дирекции ЦПМИ. Официальные документы. 1992.

Гордеева И. А. Возникновение независимого мирного движения в СССР в 1980-е годы // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1. С. 214–224.

Коллективная безопасность для России и СНГ / под ред. А. И. Никитина. М. : Центр полит. и междунар. исслед., 1992. 162 с.

Локин Г. М. Кто за что, а мы за мир // Обозреватель – Observer : науч.-аналит. журн. 2009. № 6. С. 63–75.

Лушиков Д. А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 137–148. DOI 10/17976/jpps/2019.02.10.

Маслихин А. В. Идеи мира и пацифизма на постсоветском пространстве // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. 2012. № 23. С. 100–107.

Международное сотрудничество в поддержании мира в конфликтных регионах на территории СНГ. 20–24.06.1994 : программа мероприятия // Архив дирекции ЦПМИ. Официальные документы. 1994.

Мельвиль А. Ю., Никитин А. И. Ростки новой гражданской культуры? // Полис. Политические исследования. 1991. № 2. С. 50–55.

Михайлов С. Г. Мир в собственном доме и во всем мире : [К 60-летию Советского комитета защиты мира – Федерации мира и согласия]. М. : Федерация мира и согласия, 2009. 541 с.

Орлова Г. «Трактор в поле “дыр-дыр-дыр”, все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4. С. 70–88.

Политическая стабильность в СССР и международная безопасность. 16.05.1991 : протокол мероприятия // Архив СКЗМ/ФМС. Официальные документы. 1991.

Проблемы обеспечения стабильности и примирения на Северном Кавказе и в Закавказье, апрель 1994 : отчет // Архив СКЗМ/ФМС. Официальные документы. 1994.

- Раева Т. В.* Особенности институциональной организации советского миролюбия в эпоху холодной войны // *Управление в современных системах*. 2016. № 4 (11). С. 56–60.
- Раева Т. В.* Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискуссии, практики // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки*. Т. 17. 2017. № 2. С. 19–25. DOI 10.14529/ssh170203.
- Сондерс Г. Г.* Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения / пер. с англ. И. Поляничевой. М. : Аспект Пресс, 2019. 380 с.
- Степанова Е. А.* Динамика диалога в конфликтах: второй трек // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 1. С. 135–146. DOI 10.20542/2307-1494-2019-1-135-146.
- Iji T.* Multiparty Mediation in Violent Conflict: Peacemaking Diplomacy in the Tajikistan Civil War. Oxford : Routledge, 2019. 206 p.
- Kopecek V., Hoch T., Baar V.* Conflict Transformation and Civil Society: The Case of Nagorno-Karabakh // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. 2016. № 3. P. 441–459. DOI 10.1080/09668136.2016.1147528.
- Popescu N.* The EU and Civil Society in the Georgian-Abkhaz Conflict // *The European Union, Civil Society and Conflict* / ed. by N. Tocci. Oxford : Routledge, 2011. P. 46–67.
- Saunders H. H.* The Inter-Tajik Dialogue // *A Public Peace Process*. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1999. P. 147–170.
- Stewart S.* The Role of International and Local NGOs in the Transformation of the Georgian-Abkhazian Conflict // *The Global Rev. of Ethnopolitics*. Vol. 3. 2004. № 3–4. P. 3–22. DOI 10.1080/14718800408405170.
- The Dartmouth Conference: The First Fifty Years (1960–2010). N. Y. : Kettering Foundation, 2010. 82 p.
- Venturi B.* Civil Society Organizations and Conflict Resolution: Moldova–Transnistria // *Intern. J. on World Peace*. Vol. 28. 2011. No. 2. P. 7–34.

References

- Gordeeva, I. A. (2013). Vozniknovenie nezavisimogo mirnogo dvizheniya v SSSR v 1980-e gody [The Emergence of an Independent Peace Movement in the USSR in the 1980s]. In *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. No. 1, pp. 214–224.
- Iji, T. (2019). *Multiparty Mediation in Violent Conflict: Peacemaking Diplomacy in the Tajikistan Civil War*. Oxford, Routledge. 206 p.
- Kopecek, V., Hoch, T., Baar, V. (2016). Conflict Transformation and Civil Society: The Case of Nagorno-Karabakh. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 3, pp. 441–459. DOI 10.1080/09668136.2016.1147528.
- Lokshin, G. M. (2009). Kto za chto, a my za mir [Whatever They are for, We are for Peace]. In *Obozrevatel' – Observer. Nauchno-analiticheskii zhurnal*. No. 6, pp. 63–75.
- Lushnikov, D. A. (2019). Organizovannye pravitel'stvom nepravitel'stvennye organizatsii (GONGO): genesis problematiki, interpretatsiya i funktsii [Government-Organised Non-Governmental Organisations (GONGO): Genesis of the Problem, Interpretation, and Functions]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No 2, pp. 137–148. DOI 10/17976/jpps/2019.02.10.
- Maslikhin, A. V. (2012). Idei mira i patsifizma na postsovetском prostranstve [Ideas of Peace and Pacifism in the Post-Soviet Space]. In *Visnik Lugans'kogo Natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Sotsiologichni nauki*. No. 23, pp. 100–107.
- Mel'vil', A. Yu., Nikitin, A. I. (1991). Rostki novoi grazhdanskoi kul'tury? [Sprouts of New Civic Culture?]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 50–55.
- Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v podderzhanii mira v konfliktnykh regionah na territorii SNG. 20–24.06.1994. Programma meropriyatiya [International Cooperation in Peacekeeping in Regional Conflicts in the CIS Area. 20–24.06.1994. Event Programme]. (1994). In *Arkhiv direktsii TsPMI. Ofitsial'nye dokumenty*.
- Mikhailov, S. G. (2009). *Mir v sobstvennom dome i vo vsem mire. K 60-letiyu Sovetskogo komiteta zashchity mira – Federatsii mira i soglasiya* [Peace in Your Own Home and in All

the World. For the 60th Anniversary of the Soviet Peace Committee – Federation for Peace and Conciliation]. Moscow, Federatsiya mira i soglasiya. 541 p.

Nikitin, A. I. (Ed.). (1992). *Kollektivnaya bezopasnost' dlya Rossii I SNG* [Collective Security for Russia and the CIS]. Moscow, Tsentr politicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. 162 p.

Orlova, G. (2007). “Traktor v pole ‘dyr-dyr-dyr’, vse my boremsya za mir”: sovetskoe mirolyubie v brezhnevskuyu epokhu [“A tractor in a field makes a noise, we all fight for peace”: Soviet Pacifism in the Brezhnev Era]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 4, pp. 70–88.

Politicheskaya stabil'nost' v SSSR i mezhdunarodnaya bezopasnost'. 16.05.1991. Protokol meropriyatiya [Political Stability in the USSR and International Security. 16.05.1991. Proceedings]. (1991). In *Arkhiv SKZM/FMS. Ofitsial'nye dokumenty*.

Popescu, N. (2011). The EU and Civil Society in the Georgian–Abkhaz Conflict. In Tocci, N. (Ed.). *The European Union, Civil Society and Conflict*. Oxford, Routledge, pp. 46–67.

Problemy obespecheniya stabil'nosti i primireniya na Severnom Kavkaze i v Zakavkaz'e, aprel' 1994. Otchet [Issues of Securing Stability and Conciliation in the Northern Caucasus and Transcaucasia, April 1994. Report]. (1994). In *Arkhiv SKZM/FMS. Ofitsial'nye dokumenty*.

Raeva, T. V. (2016). Osobennosti institutsional'noi organizatsii Sovetskogo mirolyubiya v epokhu kholodnoi voyny [Specificities of the Institutional Organisation of Soviet Peace-Making Activities in the Era of the Cold War]. In *Upravlenie v Sovremennykh Sistemakh*. Vol. 4, No. 11.

Raeva, T. V. (2017). Sovetskoe dvizhenie za mir v poslevoennoi kul'turnoi diplomatii: instituty, diskursy, praktiki [Soviet Peace Movement in Post-War Cultural Diplomacy: Institutes, Discourses, Practices]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 17. No. 2, pp. 19–25. DOI 10.5281/zenodo.154288.

Saunders, H. H. (1999). The Inter-Tajik Dialogue. In *A Public Peace Process*. N. Y., Palgrave Macmillan, pp. 147–170.

Saunders, H. H. (2019). *Ustoichiviy dialog v konfliktakh: transformatsii i izmeneniya* [Sustained Dialogue in Conflicts: Transformation and Change] / transl. by I. Polyancheva. Moscow, Aspekt-Press. 380 p.

Stepanova, E. A. (2019). Dinamika dialoga v konfliktakh: vtoroi trek [Dynamics of a Dialogue in Conflicts: Second Track]. In *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1, pp. 135–146. DOI 10.20542/2307-1494-2019-1-135-146.

Stewart, S. (2004). The Role of International and Local NGOs in the Transformation of the Georgian–Abkhazian Conflict. In *The Global Rev. of Ethnopolitics*. Vol. 3. No. 3–4, pp. 3–22. DOI 10.1080/14718800408405170.

The Dartmouth Conference: The First Fifty Years (1960–2010). (2010). N. Y. : Kettering Foundation. 82 p.

Venturi, B. (2011). Civil Society Organizations and Conflict Resolution: Moldova – Transnistria. In *Intern. J. on World Peace*. Vol. 28. No. 2, pp. 7–34.

Viktorov, A. G. (2016). Vliyanie Sovetskogo komiteta zashchity mira (SKZM) na razvitie obschestvenno-politicheskoi situatsii v 1965–1985 gg. [The Influence of the Soviet Peace Committee (SCZM) on the Development of the Socio-Political Situation in 1965–1985]. In *Byulleten' nauki i praktiki*. No. 9, pp. 168–170. DOI 10.5281/zenodo.154288.

Vstrecha-dialog po gruzino-abkhazskomu konfliktu, sentyabr' 1992. Programma meropriyatiya [Dialogue Meeting on the Georgian–Abkhaz Conflict, September 1992. Event Programme]. (1992). In *Arkhiv direksii TsPMI. Ofitsial'nye dokumenty*.

The article was submitted on 30.11.2019